

Герцман Е.В. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Каталог. Том I. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург: “Глаголь”, 1996. 736 с. (Серия “Основания христианской культуры”)

Отечественная музыкальная византистика – наука сравнительно молодая: процесс ее становления еще не завершен. Как всякая и историческая дисциплина, она зиждется на документах и фактах, и до тех пор, пока в ее фундаменте зияют пустоты или находятся факты непроверенные и просто выдумки – все возведенные на нем стройные историко-теоретические конструкции останутся временными постройками в аварийном состоянии.

Научный факт – это факт не только тщательно проверенный и беспристрастно точно зафиксированный, но еще и грамотно опубликованный. Только после публикации факты перестают быть личным достоянием и “заложниками” частного мнения одного-двух исследователей, и могут считаться помещенными в фундамент научного знания.

Для истории и теории греко-византийского церковного пения поиск и публикация его памятников – дело первостатейной важности. Однако многие песнопения и теоретические трактаты, особенно традиционные, воспроизведены в нескольких кодексах с более или менее существенными вариантами и различиями на самых разных уровнях (список, редакция, обработка, переизложение, транспозиция, транслитерация etc). Отсюда ясно, что публикация всякого памятника тем ценнее и достовернее, чем больше его рукописных источников она учитывает. А для их выявления исследователю крайне важно иметь под рукой сколь возможно более подробные и точные своды, каталоги, описания, отражающие как содержание каждого манускрипта, так и его палеографические, тек-

стологические, литургические, музыкальные и прочие характеристики и особенности.

Составление фактографических справочников – черная работа: “телеграфный” стиль изложения материала почти исключает пространственные построения, демонстрирующие “незаурядную эрудицию”, “широкий кругозор”, “глубину и свежесть мысли”, “несомненное литературное дарование” и прочие достоинства автора. Здесь больше ценится не поэзия, а проза: неповерхностное знание и богатый опыт, терпение и внимание, точность и аккуратность... Но это вовсе не значит, что лучшее описание – это некий статистический свод с равнодушно зарегистрированными параметрами, инципитами, вариантами и прочими объективными данными. Настоящий ученый в любой работе останется творцом, умеющим разумно сочетать “стихи и прозу, лед и пламень”. Одним из успешных результатов такого сочетания и является, на мой взгляд, новая книга Е.В. Герцмана “Греческие музыкальные рукописи Петербурга”¹.

В каждой области научного знания есть имена, которые в рекомендациях не нуждаются, сами являясь рекомендацией и гарантией объективности, точности и добросовестности. Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Российской института истории искусств Евгений Владимирович Герцман является автором свыше 50 работ по античной и византийской музыке. Только в 1996–1997 гг. в издательствах Санкт-Петербурга и Москвы вышло четыре новых его книги. В последнее время этот ученый свои труды и дни чаще посвящает проблемам истории и теории греко-византийского певческого искусства².

¹ В 1995 г. в этой же серии вышла его книга под названием “Музыкальная боззиана”.

² Вот перечень только основных его публикаций в этой области. Книги: Византийское музыкознание. Л., 1988; Петербургский теоретикон. Одесса, 1993; В поисках песнопений греческой церкви. Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей. СПб., 1997. Статьи: Становление [византийской] музыкальной культуры // Культура Византии. Т. I: IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 618–631; Развитие музыкальной культуры [Византии] // Там же. Т. II: вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 557–570; Музыкальная культура поздней Византии // Там же. Т. III: XIII – первая половина XV в. М., 1988. С. 528–550; Греческий учебник музыки XVIII века // Памятники культуры... Ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 161–177; Греко-арабская музыкально-теоретическая рукопись // Музыкальная культура средних веков... Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. 1988. С. 5–13; Терминологические парадоксы византийской “musica theotica” // ВВ. 1990. Т. 51. С. 183–192; Об одном византийском музыкально-теоретическом источнике // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIII. Л., 1991. С. 118–126; Modern perception of Ancient and Byzantine Music // Orbis musicae. № 10. Tel-Aviv University, 1990/91. P. 39–49; Византия и Русь. К проблеме музыкально-художественных контактов в XI–XII вв. // Cyrillometodiam. Т. XV/XVI. Thessalonique, 1991/92. P. 41–50; Музыкально-теоретические знания Михаила Пселла // ВВ. 1993. Т. 54. С. 75–80; Музыкаведческие экскурсии Никифора Каллиста Ксантопула // ВВ. 1994. Т. 56. С. 203–209; К загадкам наследия протопсалта Иоанна Глики // ВВ. 1995. Т. 56. С. 215–227; Византийский трактат о древнегреческой трагедии // ΜΟΥΣΕΙΟΝ... Санкт-Петербургский государственный университет. 1997. С. 274–281 и др.

Нельзя не отметить, что указанными в примеч. 2 изданиями отечественные исследования новейшего времени в области музыкальной византистики практически исчерпываются. И дело здесь не только в том, что до недавнего времени это направление музыковедения было почти наглухо закрыто у нас прежде всего по идеологическим соображениям. (Бдительным стражам советской науки было ясно, что за нейтральным названием темы “Музыка Византии” скрывается интерес преимущественно к *богослужбному пению христианской церкви*...) Не менее существенным препятствием к исследованиям в этой области была и остается неразрывная связь церковного пения как с системой собственно богослужения, так и со всей традиционной христианской культурой в ее целостности, глубоко укорененной в религии и Церкви Нового Завета. Следовательно, полноценный и плодотворный труд на этой ниве невозможен без освоения целого ряда специальных дисциплин – Священного Писания, литургии, эортологии, патристики, апологетики, догматики, церковной истории, церковной археологии, агиографии, гимнографии, риторики, поэтики и т.п. Для работы с рукописными источниками необходимо изучение текстологии (в том числе музыкальной), палеографии, кодикологии, графологии, а также фундаментальное знание древних языков с их исторической грамматикой, диалектными особенностями и специальной богослужбной и церковно-певческой терминологией.

Этих трудностей вполне достаточно для объяснения отсутствия интереса у отечественных музыковедов к данной теме, в разработке которой Е.В. Герцман является одним из одиноких энтузиастов-подвижников, которых не останавливают ни эти, ни другие преграды.

На этот раз своей целью ученый поставил включить в мировой научный обиход сведения о всех греческих музыкальных рукописях из хранилищ Санкт-Петербурга. В первый том вошли описания манускриптов Российской национальной библиотеки (РНБ)³. Предшественниками Е.В. Герцмана в этой работе были не музыковеды, а литургисты и палеографы: А. Пападопуло-Керамевс,

Ж.-Б. Тибо, В.Н. Бенешевич, Е.Э. Гранстрем, светлой памяти которой посвящена книга, и другие. Однако в их каталогах и рабочих описаниях отсутствуют певческие и многие другие музыкальные особенности источников, что вполне понятно, так как почти никто из них (кроме А. Пападопуло-Керамевса) специально не занимался проблемами истории и теории музыки. Е.В. Герцман взял на себя труд заполнить столь существенные для источниковедения греко-византийского церковного пения пробелы и составить первое полное и достаточно подробное, именно с точки зрения музыковедения, описание этих рукописных памятников.

Замечательно, что коллекция греческих певческих рукописей РНБ, создававшаяся около восьмидесяти лет и насчитывающая в настоящее время 83 манускрипта, включает в себя образцы всех четырех разновидностей византийского и поствизантийского музыкального письма, хронологически охватывая почти тысячелетний период греко-византийского церковного пения (от первой половины X до первой половины XIX в.). Таким образом, у нас имеется уникальная возможность изучать греческое церковно-певческое искусство на протяжении всего его “письменного” периода, не выходя из читального зала Отдела рукописей РНБ⁴.

И вот перед нами справочник-путеводитель по источникам для новых исследований в области истории, теории и практики богослужбного пения греческой церкви.

Книга состоит из двух больших частей – предисловия и указателей⁵. В Предисловии (Preambula) кратко излагается история коллекции греческих музыкальных манускриптов, сообщаются сведения о ее собирателях, хранителях, каталогизаторах. Затем обосновывается необходимость создания нового каталога, рассчитанного прежде всего на исследователей истории и теории музыки. Далее, после приведения важнейших сведений по музыкальной текстологии, обзора певческих книг, составляющих кодексы, и некоторых других данных, касающихся описываемых источников, автор объясняет структуру основных частей книги.

Часть первая (Manuscripta) и есть собственно описание рукописей, представленных в

³ Второй том автор предполагает посвятить рукописям из собраний Библиотеки и Архива Российской Академии наук, Санкт-Петербургского университета и Эрмитажа.

⁴ Музыкальные рукописи Византии, созданные до X в., пока не обнаружены.

⁵ В качестве образцов автору послужили описания, составленные современными греческими византинистами – проф. Григориосом Стафисом (Гр. Στάθης) и Манолисом Хадзигиакумисом (М. Χατζηγακουμής). Выходные данные и другие подробности см. на с. 25 рецензируемой книги.

хронологическом порядке. Здесь даны палеографические, исторические, кодикологические, текстологические, графологические и другие традиционные характеристики манускриптов. Автор сообщает все известные на сегодня основные факты, связанные с историей их создания, бытования, хранения и изучения, продолжает поиск и пересмотр некоторых атрибуционных доводов, подытоживая результаты всех исследований (в том числе собственных). Особое внимание Е.В. Герцман уделяет музыкальному аспекту. Внимательно рассмотрены и прокомментированы с этой точки зрения особенности источников, касающиеся самых разных специальных проблем: текстологических, теоретических, исполнительских, литургических, учебно-педагогических и др.

Затем следует подробное изложение содержания рукописи (в большинстве случаев – певческий репертуар). Все заголовки (самоназвания) книг, их частей, разделов, отдельных сочинений или их групп приводятся, как правило, полностью, с сохранением особенностей орфографии. Детально переданы все имеющиеся данные о музыкально-поэтических текстах: жанровая и гласовая принадлежность, местонахождение в том или ином богослужебном круге, имена гимнографов и мелургов etc. Приведены и выделены курсивом начальные слова каждого песнопения или фрагмента. Описание завершает список литературы, содержащей сведения о данной рукописи.

Вторая часть книги (*Opera*) представляет собой алфавитный перечень инципитов литургических текстов, сгруппированных, во-первых, по принципу авторской, во-вторых, по жанровой принадлежности (§ 1. *Opera anonima*; § 2. *Opera ab auctorigibus composita*). В этой части читатель найдет перечень всех песнопений и музыкально-теоретических сочинений из греческих рукописей РНБ.

Закljučают Каталог семь указателей (*Indices*), помогающих ориентироваться в материале источников. В их числе – указатели имен мелургов, писцов, а также ученых-византистов.

К Описанию прилагаются 29 черно-белые и 4 цветные фотокопии отдельных листов и снимков внешнего вида избранных кодексов, что особенно важно для исследователей, не имеющих возможности лично взглянуть на рукописи.

Объем книги – 736 страниц, тираж – 450 экз. Издание выполнено на достаточно высоком полиграфическом уровне.

Таким образом, впервые осуществлено достаточно полное, по некоторым аспектам

почти исчерпывающее, и всестороннее описание греческих музыкальных рукописей РНБ. Работу отличают высокий профессионализм, добросовестность и аккуратность. Все суждения, выводы и предположения продуманы, взвешены и аргументированы. (Конъектуры в квадратных и угловых скобках в подавляющем большинстве случаев не вызывают возражений.) Вместе с тем, авторским комментариям отведено достаточно скромное место: источникам предоставлена возможность побольше самим рассказать о себе, прежде всего путем подробной передачи содержания.

Материалы описания представлены в свободной форме. Отказ от жесткой схемы автор мотивирует стремлением отразить неповторимое своеобразие каждого источника (*vide p. 33, Preambula*). Поэтому все сведения о рукописи выстроены не по общему шаблону, а по степени важности для исследования – всякий раз в новой иерархии, соответствующей, по мнению составителя Каталога, особенностям данного раритета.

Данный стиль изложения очень импонирует, когда читаешь книгу именно как “серию очерков о греческих музыкальных рукописях” (*vide ibid.*), страницу за страницей. Однако, когда уже в процессе работы возникает необходимость выяснить состав книг того или иного кодекса, время его создания, тип нотации и т.п. “паспортные” данные, приходится всякий раз в поисках нужной информации заново просматривать текст Описания.

К спорным моментам может быть отнесен также главный принцип организации материалов второй части Каталога (*Opera*). Часть эта состоит из двух разделов, но деление это весьма условно, так как § 1 (*Opera anonima*) можно рассматривать и как одну из авторских рубрик § 2 (*Opera ab auctorigibus composita*), каждая из них построена по схеме § 1: инципиты песнопений в алфавитном порядке объединены в жанровые группы, названия которых также расположены по алфавиту. Таким образом, в этой части Каталога Е.В. Герцман систематизирует весь певческий репертуар рукописей исключительно с точки зрения а в т о р с к о й принадлежности, тогда как в Описании отсутствует существенно важный, на мой взгляд, сводный ж а н р о в ы й указатель, по которому можно было бы составить мнение о в с е м жанровом и внутрижанровом многообразии греко-византийских песнопений из рукописного собрания РНБ. Такой указатель мог бы быть неоценимым помощником в изучении

певческого наследия Греческой Церкви в любом исследовательском контексте.

Что же касается немногих несущественных недостатков рассматриваемой работы, то здесь можно отметить прежде всего: при передаче и употреблении автором некоторых литургических (гимнографических) терминов, случаи несогласованности с отечественной традицией и отсутствие определенно-единообразия. Так, например, несколько необычны “псалм” и “псалмовый стих”, а также “ода” вместо привычных “псалом”, “псаломский стих” и “неснь”. Введение подобных эквивалентов кажется тем более излишним, что и в греко-византийской, и в зависимой от нее русской традиции определения всех указанных пар совершенно равнозначны⁶. Также и название стихир δοξαοικὰ ἰδιόμελα, переводимое автором и как “доксологии” и как “словословные” (см. с. 30–31), в отечественной традиции передано, по моему мнению, более удачно термином “словники”. “Славословие” (“доксология”) – калька с греческого δοξαοικὰ, и этим словом чаще обозначается совершенно другой жанр (δοξαοικὴ μεγάλη – славословие великое: “Слава в вышних Богу...” или же δοξαοικὴ μικρὴ – так называемое краткое славословие: “Слава: И ныне:”). В этих и подобных случаях, как мне представляется, вполне уместно учитывать опыт русских книжников, что особенно важно для сравнительного изучения богослужения и богослужебного пения наших церквей.

Вообще во избежание терминологической путаницы и всевозможных недоразумений целесообразно было бы, например уже в Предисловии, кратко представить все упоминающиеся в каталоге наименования жанров и некоторых других литургических, гимнографических, певческих и прочих наиболее важных терминов и их вариантов вместе с русскими переводами (и транслитерациями), а также с церковнославянскими эквивалентами, когда таковые имеются⁷.

Обращают на себя внимание и случаи неоправданного объединения в одну группу песнопений разных жанров или песнопений из разных чинопоследований. В частности, в рубрику “Ἀψώμος” (псаломские стихи из 17 кафизмы: *Блажени непорочный...*) автор

включает также тропари, поющиеся после “Непорочных”: *Благословен еси, Господи...* (Pars II, § 1. Орега анонима, р. 480). Несмотря на общий инос и общий припев, это уже другой жанр, а именно – εὐλογητάρια (см. с. 523), о чем нередко предупреждает заголовок: «Μετὰ τὸν “Ἀψώμος” ψάλλονται τὰ παρόντα εὐλογητάρια (sic!), ἦχος πλ. α' · Εὐλογητὸς εἶ, Κύριε, διδαξόν με...» (vide p. 359. MS № 64, Fol. 40).

Сюда же, очевидно по недоразумению, вошла также строфа из Великого славословия “Εὐλογητὸς εἶ, Κύριε ὁ Θεός...”, которое никак не связано ни с 17 кафизмой, ни с тропарями по “Непорочным” (vide p. 480 et p. 360. MS 64, Fol. 108, 107 et 82).

В репертуаре Божественной Литургии (Λειτουργία) оказалось девять песнопений из Утрени, Литии и Вечерни (см. на с. 525, начинающая с “Ἰδὸν ὁ Νυμφίος ἔρχεται ἐν τῷ μέσῳ...” до “Τῆς σωτηρίας Εὐθύνων...”), а также стихи великого прокимна Вечерни “Τίς θεὸς μέγας, ὁ Θεός...” (vide p. 591 et p. 439, MS 75, Fol. 19). Среди Φημεс неожиданно встречается тропарь Пасхи “Χριστὸς ἀνέστη ἐκ νεκρῶν...” (р. 676) и т.п. несоответствия.

Немало досаждают опечатки в отсылках на порядковые номера рукописей и их листов, особенно многочисленные в части Орега. Кстати, намного удобнее было бы отсылкаться к содержанию нужной рукописи по отсылке, если бы ее порядковый номер был вынесен на колонтитулы посвященных ей страниц в части Manuscripta. Впрочем, оговорюсь еще раз: указанные недостатки и недоразумения не являются существенными, тем более что у автора есть возможность учесть эти и другие замечания и пожелания при выпуске второго тома Каталога.

И в заключение хотелось бы привлечь внимание читателя к еще одной области музыкальной византистики, а именно – к теории церковного пения.

Собрание греческих музыкальных рукописей РНБ включает в себя не только списки собственно богослужебных книг и их фрагментов. Не меньшую ценность для византийских церковно-певческих штудий представляют содержащиеся в рукописях теоретические трактаты (в том числе по литургике) и пособия учебно-методического характера. К таким сочинениям, традиционным и ориги-

⁶ Употребление автором термина “ихос” (ἦχος) вместо “глас” кажется вполне уместным, так как есть достаточные основания полагать, что слова эти при одинаковом л и т у р г и ч е с к о м контексте употребления имеют различные музыкальные осмысления в обеих указанных традициях, в том числе в рамках каждой и них в разные периоды их истории.

⁷ Оптимальным решением проблемы мог бы служить прилагающийся к описанию “Краткий терминологический словарь”.

нальным, автор относится с особым вниманием как к источникам, оказывающим значительную помощь в решении многих проблем и загадок восточноправославного богослужебного пения.

В частности, особо интересными для исследователей, по мнению автора, могут оказаться: список 1656 г. трактата выдающегося мелурга XV в. Мануила Хрисафа (кодекс под шифром **Греческая 750**, по Каталогу № 49) “*Περὶ τῶν ἐνθεωρουμένων τῆ ψαλτικῆ τέχνη καὶ ὧν φρονήσει κακάς τινες περὶ αὐτῶν*”, а также раритет конца XVII в. – фрагмент сочинения Никифора Каллиста Ксантопула (XIV в.) “*Ἐρμηνεῖα εἰς τοὺς ἀναβαθμοὺς τῆς ὀκτωήχου*”. Автограф первого трактата уже опубликован, поэтому в описании кодекса Е.В. Герцман приводит лишь разночтения, а текст второй рукописи воспроизводит целиком, так как, по его мнению, этот источник – “один из интереснейших византийских опытов по теоретическому осмыслению литургики” (с. 251).

Первый том Каталога был издан в 1996 г. Однако целый год он не мог дойти до чи-

тателя, поскольку из-за финансовой катастрофы издательства “Глаголь” всему тиражу грозило уничтожение. Целый год автор обращался за помощью к “сильным мира сего” и в России, и в Греции (кстати, и в Греческое посольство в Москве, и в Министерство культуры Греческой Республики в Афинах), но, увы, напрасно. И только директору Российской национальной библиотеки Владимиру Николаевичу Зайцеву, несмотря на нищий бюджет библиотеки, удалось, выкупив тираж, спасти его от ножа. Поистине подвиг! Теперь результат многолетнего труда Е.В. Герцмана и первый отечественный опыт многостороннего описания значительной части греческих музыкальных рукописей Санкт-Петербурга⁸ будет доступен российским и зарубежным исследователям и послужит делу дальнейшего плодотворного изучения многих проблем истории и теории литургики и искусства богослужебного пения и Греческой, и всей Восточной Греко-Кафолической Церкви.

Священник Виталий Головатенко

Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 631 с.

Когда в рецензии на первый выпуск “Архивов...”¹ я написала “надо продолжить работу по созданию портретов русских византистов старой школы... нужна галерея портретов, которая объединила бы мир интеллигенции этого круга”², с трудом думалось, что эта галерея появится так скоро. Новый, второй, выпуск издания – органичное продолжение ценнейшего издания, создаваемого усилиями и энтузиазмом участников научного проекта “Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге”. Второй выпуск “Архивов...” вышел, как и первый, под редакцией И.П. Медведева, чьим подвигничеством, думается, были собраны воедино результаты работы большого творческого коллектива. Издателями этого непростого для печати труда были, как и в 1995 г., Т.В. Буланина и Д.М. Буланин, деятельность которых по выпуску тома самими участниками проекта определена как “беспредельная самоотверженность” (с. 7).

Первая часть 2-го выпуска “Архивов...” скромно озаглавлена “Обзоры” (с. 8–520). Она состоит из тринадцати очерков, посвященных

петербургским ученым XIX – начала XX в. в области греко-византийской письменности, археологии и культуры – архимандриту Антонину Капустину (автор очерка Л.А. Герд), Э.Г. Муральту (Л.Б. Вольфцун), В.Г. Васильевскому (Л.А. Герд), В.К. Ернштедту (И.В. Кукулина), П.В. Никитину (О.В. Иодко), В.В. Латышеву (И.В. Тункина), А.И. Пападопуло-Керамевсу (И.П. Медведев), И.И. Толстому (А.А. Нейхгардт), М.Н. Крашенинникову (А.Н. Анфертьева), В.Е. Вальденбергу (В.И. Земскова), Я.И. Смирнову (Л.Г. Климанов), Ф.И. Шмиту (Е.Ю. Басаргина), М.А. Шангину (С.Н. Гукова).

Каждый из названных очерков самодостаточен и индивидуален по авторской манере изложения, по новизне и объему вводимого в научный оборот рукописного наследия. Но, будучи объединены в книгу, очерки стали монолитом, монографическим исследованием, одно из достоинств которого – создание коллективного социального портрета петербургской интеллигенции, ее академического гуманитарного круга.

⁸ По утверждению Е.В. Герцмана, в РНБ находится около половины от общего числа рукописных источников из всех хранилищ нашего города.

¹ Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. 462 с.

² ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 273–276.